

DOI 10.23859/2587-8344-2020-4-2-6

Асташкин Дмитрий Юрьевич
Кандидат исторических наук, доцент,
старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института истории РАН
(Санкт-Петербург, Россия)
ORCID 0000-0001-7840-4708
strider-da@ya.ru

Astashkin, Dmitrii
PhD, Associate Professor,
Senior Researcher,
St. Petersburg Institute of History of the RAS
(Saint-Petersburg, Russia)
ORCID 0000-0001-7840-4708
strider-da@ya.ru

**Ленинградский процесс над немецкими военными преступниками
1945–1946 гг.: Политические функции и медиатизация***

**The Leningrad Trials of German War Criminals in 1945–1946:
Political Functions and Mediatization**

Аннотация. В центре внимания данной статьи находится Ленинградский процесс над немецкими военными преступниками (27 декабря 1945 г. – 6 января 1946 г.). На основе широкого круга источников, часть которых вводится в научный оборот впервые, выявлены политические функции Ленинградского процесса и определены формы его медиатизации. Ленинградский процесс призван был осудить не только 11 конкретных преступников, но и саму оккупационную систему в регионе (Северо-Запад РСФСР). Наиболее тщательно были расследованы карательные акции 1943–1944 гг. Однако следствие не смогло или не успело

* Для цитирования: *Асташкин Д.Ю.* Ленинградский процесс над немецкими военными преступниками 1945–1946 гг.: Политические функции и медиатизация // *Historia Provinciae – Журнал региональной истории.* – 2020. – Т. 4. – № 2. – С. 503–537. DOI: 10.23859/2587-8344-2020-4-2-6

For citation: Astashkin, D. “The Leningrad Trials of German War Criminals in 1945–1946: Political Functions and Mediatization.” *Historia Provinciae – The Journal of Regional History*, vol. 4, no. 2 (2020): 503–37, <http://doi.org/10.23859/2587-8344-2020-4-2-6>

© Асташкин Д.Ю., 2020

© Astashkin D., 2020

определить виновных в блокаде Ленинграда и в военных преступлениях 1941–1942 гг. (включая Холокост). Не были расследованы военные преступления финских и испанских частей на территории Ленинградской области, а также участие в преступлениях коллаборационистов. Вместо этих важных тем власть вынесла на Ленинградский процесс ложные показания рядового Дюре о вине нацистов в Катынском расстреле (политического и юридического эффекта они не имели). Ленинградский процесс не вполне выполнил свои политические функции и выпал из культуры памяти (в том числе – из-за избирательной медиатизации).

Ключевые слова: Ленинград, Холокост, СССР, нацисты, оккупация, судебный процесс, медиатизация, Катынский расстрел.

Abstract. The article focuses on the Leningrad trials of Nazi war criminals (December 27, 1945 – January 6, 1946). Based on a wide range of sources, some of which are being introduced into scientific circulation for the first time, the political functions of the Leningrad trials are identified, and forms of their mediatization are determined. The Leningrad trials were supposed not only to sentence 11 specific criminals but also to condemn the occupation system in the region (the North-West of RSFSR) per se. The punitive actions of 1943–44 were most thoroughly investigated. However, the investigation could not or did not have enough time to identify those guilty of the Siege of Leningrad and the perpetrators of war crimes of 1941–42, including the Holocaust. The war crimes of Finnish and Spanish units in the territory of Leningrad Oblast and the participation of collaborators in those crimes were not investigated. Instead of these important issues, during the Leningrad trials the authorities chose to present false testimony of Private A. Düre about the Nazis' guilt of the Katyn massacre (the testimony had neither political nor juridical effect). The Leningrad trials did not fully fulfil their political functions and escaped the culture of memory (among other reasons, due to selective mediatization).

Key words: Leningrad, Holocaust, USSR, RSFSR, Nazis, occupation, legal proceedings, mediatization, Katyn massacre

Введение

За 1945–1947 гг. в РСФСР было проведено 6 открытых судов над немецкими военными преступниками в наиболее пострадавших городах: Смоленске (15–19 декабря 1945 г.), Брянске (26–30 декабря 1945 г.), Ленинграде (27 декабря 1945 г. – 6 января 1946 г.), Великих Луках (24–31 января 1946 г.), Севастополе (12–23 ноября 1947 г.), Новгороде (7–18 декабря 1947). Какое место среди них занимает Ленинградский процесс? В данном исследовании мы попытаемся понять его специфику и политические функции, причины, по которым на нем звучала тема Катынской трагедии, но не расследовалась блокада Ленинграда.

Политический и медийный аспект советских судов над нацистами долгое время выпадал из поля зрения исследователей¹. Неисследованными остаются и

¹ Лишь недавно появились системные работы о публичных функциях советских судов над военными преступниками. См.: *Voisin V. Du «procès spectacle» au fait social.*

отдельные суды. Так, Ленинградский процесс мало изучен в России. По сути, он отражен лишь в четырех публикациях: в статье Н.В. Колошинской (юридический аспект), в главе монографии Д.Ю. Асташкина, Б.Н.Ковалева, С.В. Кулика (аспект обвинения)², в статье С.В. Кулика (аспект медиатизации)³, в разделе монографии А.Х. Даудова, Ю.М. Кунцевича, М.В. Ходякова (организационный аспект)⁴. В этом исследовании мы попытаемся расширить выводы С.В. Кулика о медиатизации и исследовать новый аспект – политические функции Ленинградского процесса.

Перед любым исследователем советских судов возникает проблема доступности источников. Материалы Ленинградского процесса были засекречены (как и все другие дела подобных судов) и хранятся сейчас в центральном архиве ФСБ России. Они не выдаются исследователям, как и другие судебные дела военных преступников. В Государственном архиве РФ доступны лишь тома № 11 и № 12 с материалами следствия (показания обвиняемых Янике, Скотке, Зоненфельда и протоколы их опознания по фотографиям)⁵. Другие доступные нам источники о Ленинградском процессе: инструкции ЦК ВКП(б), личное дело председательствующего трибунала генерал-майора И.Ф. Исаенкова, фотографии суда, документальный фильм «Приговор народа» (1946 год, режиссёр Л. Киказ, оператор Е. Учитель, Ленинградская студия документальных фильмов), дневник специального корреспондента «Правды» П.Н. Лукницкого и свыше 50 материалов шести газет.

Организация процесса. Ленинградский процесс (как и семь подобных процессов 1945–1946 гг.) был инициирован постановлением ЦК ВКП(б) от 21 ноября 1945 г. «О проведении судебных процессов над бывшими военными служащими германской армии и немецких карательных органов». НКВД,

Historiographie de la médiatisation des procès en Union soviétique // Critique international. – 2017. – № 2 (75). – P. 159–173. DOI: 10.3917/criti.075.0159

² Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России: Оккупация. Соппротивление. Возмездие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. – С. 283–287.

³ Кулик С.В. Уголовный процесс 1945–1946 года над гитлеровскими военными преступниками в Ленинграде в освещении региональной прессы // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2018. – № 1(13). – URL: <http://www.novsu.ru/file/1439044>

⁴ Даудов А.Х., Кунцевич Ю.М., Ходяков М.В. Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны / под общей редакцией Н.М. Кропачева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2018.

⁵ Дело № 37-д с документами о злодеяниях бывших военнослужащих германской армии Ремлингера, Штрафинга и др. в Ленинградской и Псковской областях, в период их временной оккупации немцами, Т. 11, 12 // Государственный архив Российской Федерации (далее ГАРФ). – Ф. Р-7021. – Оп. 151. – Д. 2–3.

НКГБ, главное управление СМЕРШ и Прокуратура СССР должны были закончить следствие всего за три недели, «не позже 15 декабря 1945 года»⁶. На помощь в подготовке, организации и проведении суда из Москвы в Ленинград была командирована группа из четырех оперативных работников НКВД, НКГБ и Главного управления СМЕРШ во главе с генерал-майором Прошиным. За столь короткие сроки в лагерях немецких военнопленных они смогли найти лишь нескольких подозреваемых⁷.

Предположим, что спешка следствия была вызвана внешнеполитическими причинами – началом Нюрнбергского процесса. Возможно, материалы локальных судов должны были поддерживать советское обвинение в Нюрнберге (в том числе через иностранную прессу). Напомним, что в феврале 1946 г. в Нюрнберге выступали свидетели (академик И.А. Орбели, протоиерей Н.И. Ломакин, колхозник Я.Г. Григорьев) о преступлениях нацистов в Ленинграде и Ленинградской области (включая Псков и Новгород)⁸.

Ленинградский процесс проходил в Выборгском доме культуры, который вместил 2 000 зрителей из Ленинграда, Пскова и Новгорода (вход был по пропускам). Декорации напоминали театр: трибунал Ленинградского военного округа разместился на украшенной сцене, позади стоял барельефный макет Кремля и большая статуя Сталина на постаменте, за ней – экран для показа документального фильма, перед началом заседаний открывался занавес. Эту театральность отмечал в дневнике и П.Н. Лукницкий:

Ремлингер входит первым, один, заходит за легкий деревянный барьер. Бегают глазами, пораженный торжественностью, светом “юпитеров”, погонами, всей обстановкой молчащего, переполненного зала. Он останавливается на минуту, неуверенно, несмело, как некий актер, раскланивается направо и налево...⁹

Театральность усиливала публичный эффект суда.

⁶ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О проведении судебных процессов над бывшими военными служащими германской армии и немецких карательных органов» // Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). – Ф. 17. – Оп. 166. – Д. 756. – Л. 146.

⁷ Подробнее о механизме поиска военных преступников в лагерях см.: *Кузьминых А.Л.* Выявление нацистских военных преступников в советских лагерях для военнопленных (1944–1949 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 9. – С. 44–48.

⁸ Нюрнбергский процесс: Сборник материалов: в 2 т. / под редакцией К.П. Горшенина. – Москва: Госюриздат, 1954. – Т. 1. – С. 764.

⁹ *Лукницкий П.Н.* Ленинград действует. Книга третья. – Москва: Советский писатель, 1968. – Гл. 26. – URL: http://lib.ru/PROZA/LOUKNITSKIY_P/leningrad3.txt (дата обращения – 08.01.2020).

Общий вид зала заседаний 28 декабря 1945 г. (Фотограф Д.М. Трахтенберг).
Источник: из личного архива Д.Ю. Асташкина.

Преступления. По данным Чрезвычайной государственной комиссии (ЧГК), которые легли в основу обвинения, оккупанты уничтожили в Ленинградской области (в ее состав входили новгородские и псковские территории) 52 355 мирных жителей, угнали на принудительные работы 404 230 советских граждан¹⁰. Нацисты маскировали свои преступления, поэтому судебно-медицинский эксперт Ленинградского военного округа А.П. Владимирский считал, что «небоевых» смертей было намного больше – до полумиллиона. По его подсчетам, главным центром уничтожения людей в Ленинградской области стал Псков. Возможно, поэтому главным обвиняемым на Ленинградском процессе стал генерал-майор Г. Ремлингер¹¹, псковский комендант в 1943–1944 гг.

На суде разбирались преступления Ремлингера и его подчиненных, совершенные в Ленинградской области зимой 1943–1944 годов: карательные акции (расстрелы, сожжения заживо, пытки), угон на принудительные работы, уничтожение населенных пунктов при отступлении. Ремлингер лично приказал провести ряд карательных экспедиций, жертвами которых стали тысячи советских граждан (в основном, женщины, дети и старики). По указанию Ремлингера бы-

¹⁰ Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области // Известия. – 1945. – 29 декабря. – № 305 (8015). – С. 5.

¹¹ Ремлингер был начальником военной тюрьмы Торгау (1936–1943 гг.), комендантом французского города Биарриц, комендантом города Опочка (Калининская область, с 1944 года – Псковская область).

ло угнано на принудительные работы 25 000 человек, сожжено 145 деревень. Преступные приказы о расстрелах отдавали также капитаны К. Штрюфинг и старший лейтенант Э. Визе (командиры рот «особого батальона»¹²). Восемь исполнителей этих приказов (фельдфебели и рядовые Э. Бем, Ф. Энгель, Э. Зоненфельд, Э. Скотки, Г. Янике, Э. Герер, Э. Фогель, А. Дюре) служили в первом и втором батальонах «особого назначения» 21-й авиаполевой дивизии. Лейтенант Зоненфельд был командиром «особой группы» 322-го пехотного полка. Каждый из исполнителей лично убил от 11 до 350 человек и сознался в этом на суде. Свою вину не признали только Ремлингер и Визе.

Подсудимые попали в батальоны «особого назначения» из военной тюрьмы Торгау, которую возглавлял Ремлингер. Поэтому обвинение и пропаганда показывали подсудимых как учеников Ремлингера:

Шесть лет Ремлингер воспитывал попадавших к нему людей. <...> Вот они, его ученики, сидящие перед Трибуналом на одной с Ремлингером скамье подсудимых. Это – Янике, убийца более трехсот русских детей, женщин, стариков, поджигатель, грабитель и садист, заживо сжигавший ни в чем не повинных мирных людей. Это – Скотки, взрывавший землянки с русскими семьями, сжигавший деревню за деревней. Это – Зоненфельд, инженер по образованию, добровольно ставший агентом гестапо и затем руководителем карательных налетов на псковские и лужские деревни¹³.

Подсудимых из «особого батальона» могло быть больше, но некоторые из подозреваемых активно сотрудничали со следствием и получили статус свидетелей, хотя участвовали в тех же акциях.

Ленинградский суд использовал коллаборациониста в качестве свидетеля против Ремлингера – сотрудник немецкой комендатуры в Крестах (недалеко от Пскова) Н.И. Сердюк свидетельствовал о нечеловеческих условиях в лагере для мирных жителей в Крестах. Его участие было нетипичным, поскольку тема коллаборационизма цензурировалась, все послевоенные суды над ними проходили в закрытом режиме.

Все преступления попадали под указ 19 апреля 1943 года, который стал юридической основой для всех судов над иностранными военными преступниками в СССР. Кроме того, в общую часть обвинительного заключения входили

¹² В батальоны «особого назначения» подсудимые попали из военной тюрьмы (Торгау и др.) для карательных акций против населения СССР.

¹³ Сообщение ТАСС об утреннем заседании 30 декабря. Цит. по: *Борисов А.* Сборник материалов Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников. – URL: <http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=114049> (дата обращения – 08.01.2020).

разрушения памятников культуры в пригородах Ленинграда, в Пскове и Новгороде¹⁴.

Допрос подсудимого (Фотограф Д.М. Трахтенберг).
Источник: из личного архива Д.Ю. Асташкина.

Мы не можем выделить в обвинительном заключении Ленинградского процесса уникальные черты, список преступлений в нем отражал типичную политику нацистов в РСФСР: карательные акции против мирных жителей, разграбление и уничтожение населенных пунктов. Таким образом, оно соответствовало обвинительным заключениям других судов в РСФСР (например, Брянского и Новгородского). Почему тема блокады Ленинграда не стала главной на Ленинградском процессе? Ведь она была представлена советской стороной на Нюрнбергском трибунале в феврале 1946 года. Предположим, что для суда не были найдены конкретные виновные в организации блокады¹⁵. Лишь позднее, на Новгородском процессе (декабрь 1947 года), генерал артиллерии Курт Герцог был осужден за участие в блокаде Ленинграда (среди прочих обвинений).

По всей видимости, Ленинград был выбран площадкой суда с учетом довоенных административных границ, включавших Псков и Новгород. Кроме того, для политических функций суда было важно символическое значение Ленинграда. Таким образом, Ленинград стал объединяющим местом для суда за пре-

¹⁴ Уточним, что в обвинительном заключении всех судов 1943–1947 гг. была общая часть (о преступлениях анонимных оккупантов в этом регионе, по данным ЧГК) и индивидуальные части (о конкретных преступлениях конкретных подсудимых, по данным следствия).

¹⁵ Подробней о попытках привлечения виновных в блокаде к суду см.: *Даудов А.Х., Кунцевич Ю.М., Ходяков М.В.* Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – С. 165–167.

ступления, совершенные в трех регионах (в границах 1947 года): Ленинградской, Псковской и Новгородской областях¹⁶. Новгородский процесс не планировался вплоть до мая 1947 г.

Кинодоказательства. На Ленинградском суде (как и на Минском суде) по ходатайству государственного обвинителя был продемонстрирован документальный фильм о преступлениях нацистов на территории Ленинградской области. Нам пока не удалось найти этот фильм и сведения о его создании. Мы знаем лишь пересказ фильма в газетах и дневниковых записях:

Кадры, заснятые кинооператором Ленинградского фронта, начиная с 1941 года, документально подтверждают чудовищные преступления немецко-фашистских злодеев в ленинградской земле. На экране возникают руины Пскова, Новгорода, Луги, Гатчины, Гдова, десятков других городов, тысячи сел, сметенных немцами с лица земли. <...> Кинооператоры, проникающие в тыл врага, засняли пылающие села, подожженные немцами. Жители их, женщины, дети, старики, лишённые крова, уходят в леса, селятся в землянках. Фильм воспроизводит десятки приказов немецкого командования, издававшихся в оккупированных районах. Каждый из приказов неизменно заканчивается словами – «подлежит расстрелу». Под одним из этих приказов размашистая подпись – Ремлингер. Еще одна неопровержимая улика против фашистского карателя, сидящего на скамье подсудимых. Фильм заканчивается короткими цифрами: на территории Ленинградской, Новгородской и Псковской областей немцы расстреляли, сожгли, замучили, повесили больше 67 тысяч мирных граждан¹⁷.

Таким образом, фильм стал кинодоказательством преступлений оккупантов и конкретно Ремлингера. Скорее всего, фрагменты этого фильма были также показаны в кинотеатрах Новгорода перед началом Новгородского процесса¹⁸.

Холокост. Пропаганда подчеркивала, что Ленинградский суд касается не только конкретных преступлений конкретных подсудимых в 1943–1944 гг., но и всей системы оккупации Ленинградской области в 1941–1944 гг. Тем не менее, на Ленинградском суде (как и на Великолукском и Новгородском) были лишь в незначительной степени, в отдельных показаниях свидетелей, обозначены

¹⁶ Практика объединения регионов соответствовала практике других судов зимы 1945–1946 гг.: например, на Брянском процессе судили за преступления, совершенные в Брянской, Орловской и Бобруйской областях.

¹⁷ Сообщение ТАСС об утреннем заседании 2 января. Цит. по: *Борисов А.* Сборник материалов Чрезвычайной Государственной Комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников.

¹⁸ К Новгородскому процессу 1947 года в Ленинграде на фабрике «Кинохроника» был смонтирован документальный киноочерк «Зверства и разрушения немецко-фашистских захватчиков на временно оккупированной ими территории Новгородской и Псковской областей». Для делегатов и свидетелей Новгородского процесса был организован специальный просмотр этого фильма, а также киноочерков «Разрушение гг. Петродворца (Петергофа), Павловска, Гатчины» и фильма «Ленинград в блокаде». Эти фильмы демонстрировались также в городских кинотеатрах.

ны масштабные нацистские преступления 1941–1942 гг., совершенные на территории Ленинградской области против евреев, цыган, душевнобольных, советских военнопленных.

Так, на территории Псковской области в 1941–1942 гг. были созданы и уничтожены гетто в Пскове, Опочке, Невеле, Великих Луках, Порхове, Пустошке, Себеже. Осенью 1943 г. трупы евреев были извлечены из ям и сожжены. Публичной ответственности за эти преступления Холокоста никто не понес. Ремлингеру (коменданту Опочки в июле-сентябре 1943 года) на Ленинградском процессе вопросов о сожжении тел евреев не задавали (судя по доступным нам материалам). По контрасту с этим умолчанием прокурор спросил Ремлингера о его должности военного коменданта Будапешта (с апреля 1944 года до пленения в феврале 1945 года) и казнях венгерских евреев:

- Кого там расстреливали?
- Никого не расстреливали.
- Евреев, наверное?
- Ни одного еврея. Наоборот, большому количеству евреев я спас жизнь, вы этому не поверите.
- Кто их расстреливал?
- Те, кто всегда этим занимался, СС, гестапо и другие. Я ничего общего не имел с ними и, когда имел возможность, спасал евреев¹⁹.

Насколько нам известно, следствие не связывалось с Венгрией об участии Ремлингера в расстрелах, так что диалог о Будапеште был побочным, в обвинительное заключение расстрел венгерских евреев не вошел. Роль Ремлингера в Холокосте на территории Будапешта нам еще предстоит исследовать.

О массовых казнях дал подробные показания судебно-медицинский эксперт – профессор А.П. Владимирский (он же выступал на Новгородском процессе 1947 г.). Он описал многие места захоронений жертв, включая жертв Холокоста:

По свидетельским показаниям, собранным в районе Моглино-первое около Пскова, где-то там, в районе Пскова, в тысяча девятьсот сорок первом году все в лагере были уничтожены и туда же были доставлены евреи, вывезенные из Пскова. Мы стали проверять эти показания, долго искали, чтобы найти вещественные доказательства. Около Моглино-первое, на площади, засеянной рожью, мы нашли десять ям-могил, заполненных трупами: дети, женщины, мужчины. Так как их убили в начале войны, то немцы еще не раздевали людей перед уничтожением – еще не скрывали тогда следов своих преступлений. Многое нам удалось установить по бусам, амулетам и другим предметам, определявшим национальность уничтоженных людей. Затем немцы заровняли землю, превратили в поле, засеяли...²⁰.

¹⁹ Лукницкий П.Н. Ленинград действует. Книга третья. – Гл. 26.

²⁰ Лукницкий П.Н. Ленинград действует. Книга третья. – Гл. 26.

Нам неизвестно, понес ли кто-то из немецких военнопленных уголовную ответственность за казни у Моглино. Позднее, на суде 1967 г. в Пскове были приговорены охранники Моглинского лагеря из числа этнических эстонцев, которые расстреливали цыган и евреев²¹.

Катынская трагедия. Для Нюрнбергского трибунала советская сторона готовила двух немецких свидетелей по теме Катынского расстрела: Людвига Шнейдера (ассистента профессора Бутца) и солдата Арно Дюре (подсудимого на Ленинградском процессе)²². Они должны были поддержать советскую версию Катынского расстрела. Предположим, что показания Дюре в Ленинграде должны были стать репетицией его выступления в Нюрнберге. В то же время тема Катыни не была включена в обвинительное заключение Ленинградского процесса.

Согласно показаниям Дюре на суде, немецкое командование направило его из военной тюрьмы Торгау на исправительные работы в Катынский лес. П.Л. Лукницкий так передает показания Дюре:

В военной тюрьме, в Торгау, где до ноября 1941 года, в бытность комендантом тюрьмы Ремлингера, находился арестованный Дюре, его так воспитывали, уча безжалостности. “Практические занятия” при этом обучении происходили в Катынском лесу в сентябре 1941 года. Вместе с другими, такими же, как он, привезенный в этот лес Дюре рыл по ночам огромные могильные рвы. Эсэсовцы сбрасывали в эти рвы привезенные на автомашинах трупы людей – десятки тысяч трупов польских офицеров, русских людей, евреев, и Дюре участвовал в их закапывании.

– Вы можете приблизительно определить, сколько расстрелянных было сброшено в эти могилы?

– От пятнадцати до двадцати тысяч человек! – спокойно отвечает Дюре и добавляет, что видел снимок одной из таких могил в немецких газетах, под снимком была подпись: “Это сделали русские”...²³

Примечательно, что Ремлингера прокурор не спрашивал про эти «практические занятия» в Катыни. Видимо, Ремлингер не захотел сотрудничать.

Советская пропаганда передала суть ответов Дюре, но не стала публиковать абсурдные подробности: Дюре объяснял прокурору, что Катынский лес нахо-

²¹ Подробнее см.: *Алексеев Ю.В.* Моглинский лагерь: история одной «маленькой фабрики смерти» (1941–1944). – Москва: Фонд «Историческая память», 2011.

²² *Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С.* Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – Москва: РОССПЭН, 2009. – URL: <http://www.katyn-books.ru/library/katinskiy-sindrom12.html#bookmark40> (дата обращения – 08.01.2020).

²³ *Лукницкий П.Н.* Ленинград действует. Книга третья. – Гл. 26.

дится в Польше, что огромная глубина рва составляла 15–20 метров, что стенки рва он укреплял для прочности ветками деревьев и т. д.²⁴

Обо всех судах 1945–1946 гг., включая Ленинградский суд, советская пропаганда сообщала иностранным журналистам. В том числе краткий перевод показаний Дюре был опубликован 3 января в газете “Die Tägliche Rundschau”, издававшейся Красной армией для немецкого населения в советской зоне оккупации²⁵. Тема Катыни для зарубежной прессы была важной, но сами показания Дюре не казались убедительными. В итоге газета “New York Times” совместила в одной заметке сразу две версии Катынской трагедии – версию от Дюре в пересказе ТАСС и версию 1943 года от нацистского Deutsches Nachrichtenbüro:

Сегодня вечером ТАСС сообщил, что немецкий офицер из числа подсудимых Ленинградского процесса по обвинению в «кошмарных преступлениях» во время войны признал вину нацистов в Катынском расстреле в Смоленской области, где было обнаружено массовое захоронение около 10 000 человек. Ранее немцы утверждали, что поляки были убиты советской политической полицией и захоронены в Катыни в 1939 году. Подробно описывая, как отступавшие немецкие войска убивали русских женщин, детей и стариков, офицер по фамилии Дюре (Это ошибка Нью Йорк таймс. В реальности Арно Дюре не был офицером – Д. А.) заявил, что в Катынском лесу было расстреляно и захоронено от 15 000 до 20 000 человек, включая польских офицеров и евреев.

В апреле 1943 г. немецкое новостное агентство утверждало, что немцы обнаружили катынские захоронения и обвинили в этом чудовищном злодеянии русских. Четыре дня спустя польское правительство в Лондоне объявило, что обратилось в Международный Красный Крест с просьбой направить делегацию для расследования на месте. 25 апреля 1945 года Москва официально разорвала отношения с правительством Польши в изгнании²⁶.

Как утверждает И.С. Яжборовская, за эти показания Дюре получил каторгу вместо смертной казни, но все же советские власти не решились везти его в Нюрнберг. Это неудивительно, поскольку Дюре издевался над Ленинградским процессом и мог устроить скандал в Нюрнберге. Согласно дневнику П.Н. Лукницкого, Дюре смеялся на допросе («когда речь пошла о расстреле им женщин, утвердительно кивает головой и... улыбается, смеется!..»), во время приговора («Только Дюре криво усмежается...»), во время последнего слова («Дюре встает, заложив руки назад. Смеется! Зал ждет. Дюре продолжает смеяться и сквозь смех говорит: “Я ничего не хочу сказать!”»)²⁷. Усмешка Дюре попала и в д/ф «Приговор народа», но тема Катыни в фильме не была представлена. В итоге

²⁴ Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях.

²⁵ Die Tägliche Rundschau. – 1946 г. – 3 января.

²⁶ Two nazi generals hanged by russians // New York Times. – 1945. – 31 декабря. – С. 4.

²⁷ Лукницкий П.Н. Ленинград действует. Книга третья. – Гл. 26.

тема показаний Дюре не была развита ни в советских, ни в зарубежных медиа-материалах.

Подсудимый Арно Дюре.

Кадр из док. фильма «Приговор народа» (1946 г., режиссер Л. Киказ).

В 1954 году Дюре вернулся в ФРГ, где отказался от своих показаний про Катынь и заявил, что его заставили так говорить на следствии²⁸. Таким образом, тема Катынского расстрела – единственный известный нам факт ложных показаний на Ленинградском процессе. Другие показания подсудимых исследователями не оспаривались.

Медиатизация. Постановление об организации судов предполагало медиатизацию: «Ход судебных процессов систематически освещать в местной печати и кратко освещать в центральной прессе»²⁹. В письме ленинградским начальникам УНКВД, УНКГБ, Управления СМЕРШ их московские руководители (Круглов, Рычков, Абакумов) указывали кратко: «предлагаем... принять меры к обеспечению правильного освещения хода процесса в местной прессе». Какие это были меры? Из дневника П.Н. Лукницкого нам известно, что журналисты имели доступ к материалам предварительного следствия и могли беседовать с членами трибунала. Из-за нехватки источников неясна степень влияния власти и редакторов на содержание материалов о процессе. Поэтому возьмем за гипотезу, что журналисты (пусть и под контролем органов) готовили публикации

²⁸ *Schmeitzner M.* Unter Ausschluss der Öffentlichkeit? Zur Verfolgung der NS-Verbrechen durch die sowjetische Sonderjustiz // NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR / ed. C. Vollnhals, J. Osterloh. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. – S. 159–161.

²⁹ Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) «О проведении судебных процессов над бывшими военными служащими германской армии и немецких карательных органов» // РГАСПИ. – Ф. 17. – Оп. 166. – Д. 756. – Л. 146.

более-менее самостоятельно, руководствуясь своими патриотическими чувствами и идеологическими установками. Кроме того, авторы могли вдохновляться материалами газет об аналогичных судах (в Брянске, Смоленске и др.) и, в особенности, материалами Нюрнбергского процесса (о нем писали лучшие журналисты страны). Напомним также, что все советские СМИ цензурировались.

Газеты были наиболее массовым средством массовой информации в СССР того периода, они использовались агитаторами для «читок» (чтений вслух и обсуждения) на заводах и в колхозах. Материалы о Ленинградском суде распространялись в общесоюзных СМИ (ТАСС, «Известия», «Московское радио») и в местных газетах («Ленинградская правда», «Новгородская правда», «Псковская правда», «Смена», «Вечерний Ленинград» и др.). На полосах печатных изданий материалы о Ленинградском суде помещались после полосы о Нюрнберге, рядом с материалами о судах над военными преступниками в СССР (Брянск) и в мире (Манила, Филиппины). Так создавался общий контекст мирового правосудия.

Кроме того, через Московское радио и ТАСС информация поступала агентствам Reuters и Associated Press, Лондонскому радио, в газету Советской оккупационной зоны “Die Tägliche Rundschau”, газету “New York Times” и др. Так, “New York Times” опубликовала о Ленинградском процессе три новости: о начале суда (30.12.1945), о теме Катыни на суде (31.12.1945), о приговоре (06.01.1946).

В качестве иллюстраций советские газеты опубликовали четыре фотографии из зала суда (суд, подсудимые и зрители) и карикатурные портреты каждого обвиняемого.

Рис. 4. Карикатурные портреты подсудимых
Источник: «Ленинградская правда». – 1945. – 30 декабря.

Поскольку волна советских судов началась одновременно с Нюрнбергским трибуналом, то пропаганда постоянно отмечала их связь:

В Нюрнберге, где впервые появилась фашистская чума, Международный Трибунал слушает сейчас дело главных военных преступников. А в областных центрах нашей страны военные трибуналы судят тех, кто непосредственно устанавливал гитлеровский “новый порядок” на советской земле, убивал женщин, стариков, детей, разрушал созданное многими веками творческого труда народа³⁰.

Пропаганда подчеркивала, что советские суды являются скоординированным решением союзников по антигитлеровской коалиции – Советского Союза, США и Великобритании:

Преступники привлечены к ответственности на основании Декларации, подписанной в своё время Рузвельтом, Сталиным и Черчиллем. Согласно этой Декларации, германские офицеры и солдаты и члены нацистской партии, ответственные за зверства, убийства и казни, или добровольно принимавшие в них участие, подлежат суду в странах, в которых были совершены их отвратительные действия³¹.

Послевоенный культ личности еще не достиг апогея, поэтому в материалах о суде мало упоминаний Сталина. Зато часто упоминались Красная армия и советский народ:

Только доблестная и неукротимая борьба нашей Красной армии могла избавить мир от подобной чумы. Только великая победа нашего народа в Отечественной войне привела к тому, что Геринг сидит на скамье подсудимых в Нюрнберге, а Ремлингер, Фогель, Янике, Штрюффинг и другие сидят в Ленинграде³².

Пропаганда проводила параллель между Герингом (как главным обвиняемым в Нюрнберге) и Ремлингером (как главным обвиняемым в Ленинграде):

Мир совершенно не интересуется, признает или не признает себя Геринг виновным. Точно так же трудящихся Ленинградской области очень мало тревожит, признает или не признает себя Ремлингер виновным. В обоих случаях всех интересует другое: когда наступит их заслуженная кара³³.

³⁰ Час расплаты // Ленинградская правда. – 1945. – 28 декабря. Цит. по: Кулик С.В. Уголовный процесс 1945–1946 года над гитлеровскими военными преступниками в Ленинграде в освещении региональной прессы.

³¹ Там же.

³² Карп В., Рискин А. Идёт возмездие // Ленинградская правда. – 1945. – 28 декабря. – С. 3.

³³ Ланской М. Обер-палач // Ленинградская правда. – 1945. – 28 декабря. – С. 3.

Схожие схемы сопоставления использовались пропагандой и в материалах о других судах.

Государственный обвинитель Ф.Л. Петровский в своей речи прямо проводил параллель между Нюрнбергом и Ленинградом:

Проходящий в Нюрнберге процесс главных военных преступников раскрыл перед всем миром, что злодейские планы вероломного и внезапного нападения на нашу Родину, разграбления её богатств, истребления и порабощения советских людей долго и тщательно разрабатывались гитлеровскими людоедами. Авторы этих планов – главари фашистской банды – держат ответ за свои преступления перед Международным Военным Трибуналом. Здесь, в Ленинграде, на скамье подсудимых сидят исполнители варварских планов, те, кто исполнял их³⁴.

Аналогичная схема использовалась обвинителем Л.Н. Смирновым на Смоленском процессе.

Поскольку журналисты были уверены в обвинительном приговоре еще до окончания суда, они гневно или иронически реагировали на попытки подсудимых оправдать себя выполнением приказов:

Лишь хитрая бестия Франц Визе и главарь шайки Ремлингер, самый кровожадный и подлый из всех одиннадцати кровожаднейших и подлеjších, заявили, что они виновными себя не признают. Палач в белых перчатках Ремлингер продолжает уже знакомую советскому следствию игру. Он-де лишь получал приказы сверху и отправлял их вниз, даже не записывая исходящих. Вверху сидели Гитлер и Заукель³⁵.

Пропаганда использовала для дегуманизации подсудимых не только их внешность, но и факты биографии, особенно подчеркивалось уголовное прошлое:

Кто они, эти представители “высшей расы”? Карл Штрюфинг и Фриц Энкель – добровольцы немецкой армии, пошедшие на войну за грабежом да лёгкой наживой. Гергард Янике – вор, отбывавший каторгу. Достоинно увенчает эту группу Арно Дюре – сутенёр, живший на содержании у проституток и грабивший их посетителей³⁶.

Согласно инструкциям из Москвы, адвокаты проходили специальный отбор: «Предлагаем... тщательно проверить адвокатов, которые будут выделены

³⁴ Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области. Заседание 2 января // Смена. – 1946. – 3 января. Цит. по: Кулик С.В. Уголовный процесс 1945–1946 года над гитлеровскими военными преступниками в Ленинграде в освещении региональной прессы.

³⁵ Карп В., Рискин А. Идёт возмездие // Ленинградская правда. – 1945. – 28 декабря. – С. 3.

³⁶ Там же.

для защиты обвиняемых представителем Наркомюста СССР на месте. Нежелательные кандидатуры должны были быть отведены и заменены проверенными адвокатами»³⁷. Таким образом, адвокаты работали формально, от них не ждали ярких выступлений и неожиданностей. Адвокаты строили защиту на размывании вины – от индивидуальной к коллективной. Так, адвокат Зимин, защищавший Ремлингера, отметил, что «за кошмарные преступления, совершенные немцами на территории, подведомственной коменданту Пскова, несёт ответственность не только его подзащитный. Здесь действовали также и части, не находившиеся в его подчинении»³⁸. Все остальные адвокаты пытались изобразить подзащитных простыми исполнителями преступных приказов. Реплики адвокатов на всех судах 1945–1947 гг. почти не цитировались в пропаганде, а финальные адвокатские речи давались в кратком пересказе (как и последние слова подсудимых). Поэтому все читатели газет и зрители фильма «Приговор народа» были знакомы только со стороной обвинения.

Приговор и казнь. Приговор утверждался не в Ленинграде, а в Москве. 3 января 1946 г. руководители спецслужб С.Н. Круглов, Н.М. Рычков, В.С. Абакумов в письме В.М. Молотову на двух страницах пересказали обвинительное заключение и предложили приговор:

Учитывая степень виновности каждого из подсудимых, считаем необходимым приговорить подсудимых Ремлингер, Штрюффинг, Зонненфельд, Беём, Энгель, Янике-Скотки, Герер – к смертной казни через повешение; подсудимых Фогель, Дюре и Визе – к каторжным работам. Просим Ваших указаний³⁹.

Молотов утвердил все предложенное. Отметим, что даже в письме Молотову не поясняется дифференциация приговора (казнь, 20 лет и 15 лет каторги). Пропаганда концентрировалась на приговоре к смертной казни, почти не упоминая другие приговоры. Разница в сроках каторги (20 лет и 15 лет) зрителям и читателям никак не была объяснена.

³⁷ Даудов А. Х., Кунцевич Ю.М., Ходяков М.В. Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны. – С. 157.

³⁸ Судебный процесс по делу о немецко-фашистских зверствах в Ленинградской области. Заседание 2 января // Смена. – 1946. – 3 января. Цит. по: Кулик С.В. Уголовный процесс 1945–1946 года над гитлеровскими военными преступниками в Ленинграде в освещении региональной прессы.

³⁹ Докладная записка министра юстиции СССР Н.М. Рычкова, министра внутренних дел СССР С.Н. Круглова и министра госбезопасности СССР В.С. Абакумова на имя В.М. Молотова об окончании Военным трибуналом Ленинградского военного округа судебного следствия по делу бывших военнослужащих германской армии, обвиняемых в массовом истреблении мирного населения, угоне советских граждан в немецкое рабство, разрушении городов и сел на территории Ленинградской области, с просьбой дать дальнейшие указания // РГАСПИ. – Ф. 82. – Оп. 2. – Д. 894. – Л. 5–6.

Журналист М. Ланской художественно передал чувства людей, находящихся в зале во время оглашения приговора (смертная казнь для восьми подсудимых, каторга для трех):

Потом вошёл суд. Все встали. Была необычайная тишина, когда председатель в последний раз напоминал о зверствах, содеянных каждым обвиняемым. Вновь поднялись из братских могил тени погибших. Пахнуло дымом пожаров. Донеслись стоны истязуемых. Встала окровавленная русская мать, протягивая расстрелянного ребёнка. Пепел сожженных людей забился в наших сердцах <...> Поэтому, когда раздались слова: “К смертной казни через повешение” – раздались аплодисменты солидарности и удовлетворения. Это народ подписывался под приговором окончательным и обжалованию не подлежащим⁴⁰.

Некоторые газеты ограничились сухой констатацией приговора и штампом про «аплодисменты удовлетворения». Местом казни в Ленинграде была выбрана большая площадь Калинина у кинотеатра «Гигант». Сама казнь была описана ленинградскими газетами подробно и эмоционально:

Они избежали на фронте справедливой пули советского солдата. Теперь им предстояло испытать прочность русской верёвки. На крепкой перекладине повисли вчера в Ленинграде восемь военных преступников. В последние минуты они снова встретились с ненавидящими глазами народа. Они снова услышали свист и проклятья, провожавшие их на позорную смерть. Тронулись машины. Последняя точка опоры ушла из-под ног осуждённых⁴¹.

Смотреть на казнь пришли десятки тысяч ленинградцев, еще больше зрителей увидели ее в документальном фильме «Приговор народа».

Выводы

Как и другие региональные суды, Ленинградский судебный процесс призван был стать судом не только над конкретными 11 подсудимыми, но и над самой оккупационной системой на Северо-Западе РСФСР. Это удалось лишь частично – наиболее тщательно были расследованы карательные акции 1943–1944 гг. Вместе с тем, следствие не смогло или не успело определить виновных в блокаде Ленинграда, в военных преступлениях 1941–1942 гг. (включая Холокост). Не были расследованы военные преступления финских и испанских частей на территории Ленинградской области, а также участие в них коллаборационистов. Вместо этих важных тем власть вынесла на Ленинградский процесс ложные показания рядового Дюре о вине нацистов в Катынской трагедии.

⁴⁰ Ланской М. Приговор народа // Ленинградская правда. – 1946. – 4 января.

⁴¹ Там же.

Впрочем, политического и юридического эффекта эти ложные показания не дали.

Масштабный суд в Ленинграде скрывал в себе огромный политический потенциал, но этот потенциал не был реализован. Власть не стала выделять Ленинградский процесс из общего ряда судов, дав следствию крайне сжатые сроки и однотипные инструкции. Медиатизация была избирательной. В итоге, как и аналогичные советские суды, Ленинградский процесс почти не представлен в культуре памяти (даже на местном уровне) и нуждается в дальнейшем изучении.

Introduction

Between 1945 and 1947, six open trials of German war criminals were conducted in the most affected cities of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR): Smolensk (December 15–19, 1945), Bryansk (December 26–30, 1945), Leningrad (December 27, 1945 – January 6, 1946), Velikiye Luki (January 24–31, 1946), Sevastopol (November 12–23, 1947), and Novgorod (December 7–18, 1947). What place do the Leningrad trials take among these trials? This work will make an attempt to understand its specific characteristics, political functions, and the reasons why the Katyn massacre was considered during the trials while the Siege of Leningrad was not investigated.

The political and media aspects of the Soviet trials of the Nazis have escaped the attention of researchers for a very long time. Individual trials still remain unexplored.¹ Thus, the Leningrad trial proceedings have been given very little attention in Russia. In fact, they are reflected in four publications only: in the article by N. Koloshinsky (the juridical aspect of the trial), in a chapter of the monograph by D. Astashkin, B. Kovalev and S. Kulik (the aspect of the prosecution),² in the article by

¹ System-scale works devoted to the public functions of Soviet trials of war criminals have appeared only recently. See V. Voisin, “Du “procès spectacle” au fait social. Historiographie de la médiatisation des procès en Union soviétique,” *Critique internationale*, vol. 75, no. 2 (2017): 159–73, <https://doi.org/10.3917/cii.075.0159>.

² D.Yu. Astashkin, B.N. Kovalev, and S.V. Kulik, *The Nazi Regime in the North-West of Russia: Occupation. Resistance. Retribution* [in Russian] (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo, 2018), 283–87.

S. Kulik (the aspect of mediatization),³ and in a section of the monograph by A. Daudov, Yu. Kuntsevich and M. Khodyakov (the organizational aspect).⁴ This study will try to further develop the conclusions made by S. Kulik on mediatization and also explore a new aspect, that is the aspect of the political functions of the Leningrad trials.

Any researcher of the Soviet trials faces the problem of sources. The materials of the Leningrad trials were classified (like all other case files of such trial proceedings) and are stored in the Central Archive of the FSB of Russia. Like any other trial case files of non-rehabilitated war criminals, they are not available for researchers. Only volumes no. 11 and no. 12 with investigation materials are available in the State Archives of the Russian Federation (testimonies of the accused Janicke, Skotki, and Sonnenfeld, and records of their identification from photographs).⁵ Other available sources about the Leningrad trials include instructions of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, personal files of the chief tribunal officer Major General I. Isaenkov, photographs of the trial, the documentary *The Verdict of the People* (*Prigovor naroda*, directed by L. Kikaz, camera by E. Uchitel, Leningrad Documentary Film Studios, 1946), a personal diary of P. Luknitskii, a special correspondent of the Russian newspaper *Pravda*, and more than 50 published items from six different newspapers.

The organization of the process. The Leningrad trials (like seven other trials of 1945–46) were initiated by the decree of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks as of November 21, 1945 “On conducting trials of the former military personnel of the German army and German punitive bodies.” The NKVD, the NKGB, the Main Directorate of SMERSH and the Prosecutor’s Office of the USSR were to complete the investigation in three weeks, “no later than December 15, 1945.”⁶ A group of four operational officers of the NKVD, the NKGB, and the

³ S.V. Kulik, “The 1945–1946 Trial of Nazi War Criminals in Leningrad: The Coverage of the Leningrad Region Press” [in Russian], *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, no. 1(13) (2018).

⁴ A.Kh. Daudov, Yu.M. Kuntsevich, and M.V. Khodyakov, *Military Tribunal of the Leningrad Front during the Great Patriotic War* [in Russian], ed. N.M. Kropachev (St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2018).

⁵ “Delo № 37-d s dokumentami o zlodeyaniyakh byvshikh voennosluzhashchikh germanskoi armii Remlingera, Shtrafinga i dr. v Leningradskoi i Pskovskoi oblastiakh, v period ikh vremennoi okkupatsii nemtsami” [Case File no. 37-d with documents on the atrocities of former soldiers of the German army Remlinger, Strüffling and others in Leningrad Oblast and Pskov Oblast during their temporary occupation by the Germans]. T. 11, 12. F. P-7021, op. 151, d. 2–3. Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archive of the Russian Federation] (GARF), Moscow, Russia.

⁶ “Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) ‘O provedenii sudebnykh protsessov nad byvshimi voennosluzhashchimi germanskoi armii i nemetskikh karatel'nykh organov’” [Decree of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks ‘On conducting

Main Directorate of SMERSH, headed by Major General Proshin, were sent from Moscow to Leningrad to help prepare, organize and conduct the trials. On such short notice, they were able to find only a few suspects in the German prisoner camps.⁷

Let us suppose that the rush of the investigation was caused by foreign policy reasons, namely the beginning of the Nuremberg Trials. Possibly, the materials of the local trials were supposed to support the Soviet prosecution in Nuremberg (among other things, by means of foreign press coverage). Let us remind that in February 1946 witnesses (Academician I. Orbeli, Archpriest N. Lomakin, and Y. Grigoriev, a collective farmer) spoke in Nuremberg about Nazi crimes in Leningrad and in Leningrad Oblast (including Pskov and Novgorod).⁸

The Leningrad trial proceedings took place in the Vyborg House of Culture, which accommodated 2 000 spectators from Leningrad, Pskov and Novgorod (admittance to pass-holders only). The setting resembled a theatre: the tribunal of the Leningrad Military District was located on the decorated stage; behind it there were a bas-relief model of the Kremlin and a large statue of Stalin on a pedestal; at the back of the stage there was a screen for projecting the documentary. Each session began with the curtain going up. P. Luknitskii noted this theatricality in his diary:

Remlinger is the first to enter. He enters alone and goes behind a light wooden barrier. Stunned by the solemnity, the spotlights, all the epaulets, the whole atmosphere of a silent crowded room, he is shifting his eyes uneasily. He stops for a minute, and then, uncertainly, timidly, like an actor, bows to the right and to the left. . .⁹

Such theatricality only enhanced the public effect of the trials.

trials of the former military personnel of the German army and German punitive bodies’]. F. 17, op. 166, d. 756, l. 146. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv sotsial'no-politicheskoi istorii [Russian State Archive of Socio-Political History] (RGASPI), Moscow, Russia.

⁷ For more on the mechanism of ascertaining war criminals in camps, see A.L. Kuz'minykh, “Identification of Nazi War Criminals in Soviet Prison Camps (1944–1949)” [in Russian], *Voennno-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (2018): 44–48.

⁸ K.P. Gorshenin, ed., *The Nuremberg Trials: Collection of Materials* [in Russian], in 2 vols., vol. 1 (Moscow: Gosyurizdat, 1954), 764.

⁹ P.N. Luknitskii, *Leningrad Is Acting. Book Three* [in Russian] (Moscow: Sovetskii pisatel', 1968), chap. 26, accessed January 8, 2020, http://lib.ru/PROZA/LOUKNITSKIY_P/leningrad3.txt.

General view of the court room, December 28, 1945. Photo by D. Trakhtenberg
Source: from the personal archive of D. Astashkin

The crimes. According to the materials of the Extraordinary State Commission (ChGK), which formed the basis for the charges, the invaders killed 52 355 civilians in Leningrad Oblast (including the territories of Novgorod and Pskov), and took 404 230 Soviet citizens for forced labour.¹⁰ The Nazis disguised their crimes. Therefore, the forensic expert of the Leningrad Military District A. Vladimirsky believed that the number of non-combat deaths was much higher, up to half a million. According to his calculations, Pskov became the main centre of mass extermination of people in Leningrad Oblast. Probably, that is why Major General Heinrich Remlinger,¹¹ the commandant of Pskov in 1943–44, was the main defendant during the Leningrad trials.

The trials considered the crimes of Remlinger and his subordinates committed in Leningrad Oblast in the winter of 1943–44: punitive actions (executions, burning alive, torture), takeover for forced labour, destruction of settlements during retreat. Remlinger personally ordered to organize a series of punitive expeditions, the victims of which were thousands of Soviet citizens (mainly women, children and old people). Following the command of Remlinger, 25 000 people were taken for forced labour

¹⁰ “The Trial of the Case of Nazi Atrocities in Leningrad Oblast” [in Russian], *Izvestiya*, no. 305 (8015), December 29, 1945, 5.

¹¹ Remlinger was the head of the Torgau military prison (1936–43), commandant of the French city of Biarritz, commandant of the city of Opočka (Kalinin Oblast, Pskov Oblast since 1944).

and 145 villages were burned down. Captain K. Strüffling and Senior Lieutenant E. Wiese (commanders of the “special purpose battalion” companies) also gave criminal orders for executions.¹² Eight executors of those orders (sergeants and privates E. Böhm, F. Engel, E. Sonnenfeld, E. Skotki, G. Janicke, E. Gehrler, E. Vogel, and A. Düre) served in the first and second “special purpose” battalions of the 21st Luftwaffe Field Division. Lieutenant Sonnenfeld was the commander of the “special group” of the 322nd Infantry Regiment. Each of the executors personally killed from 11 to 350 people and later confessed in court. Only Remlinger and Wiese pleaded not guilty.

The defendants joined the “special purpose” battalions from the Torgau military prison, headed by Remlinger. Therefore, the prosecution and propaganda exposed the defendants as Remlinger’s disciples:

For six years Remlinger taught people who got to him. . . . Here they are, those trained by him, sitting in front of the Tribunal in the same dock with Remlinger. This is Janicke, who killed more than three hundred Russian children, women, and old people, an arsonist, a robber and a sadist who burned innocent civilians alive. This is Skotki, who blew up dug-outs with Russian families inside, who burned village after village. This is Sonnenfeld, an engineer by training, who voluntarily became an agent of the Gestapo and then a head of punitive raids on the Pskov and Luga villages.¹³

There could have been more defendants from the “special purpose battalion” but some of the suspects actively cooperated with the investigation and received witness status, although they participated in the same actions.

The Leningrad trials used a collaborator as a witness against Remlinger. N. Serdyuk, an employee of the German commandant’s office in Kresty (near Pskov) testified to the inhuman conditions in the camp for civilians in Kresty. His participation in the trial was quite atypical, since the question of collaboration was censored, and all post-war trials of collaborators were held behind closed doors.

All crimes got under the decree issued on April 19, 1943, which provided the legal basis for all trials of foreign war criminals in the USSR. In addition, the general part of the indictment included the destruction of cultural monuments in the suburbs of Leningrad, Pskov, and Novgorod.¹⁴

¹² The defendants were recruited to the “special purpose” battalions from military prisons (Torgau et al.) for punitive missions against the population of the USSR.

¹³ TASS report on the morning court session on December, 30. Cited in A. Borisov, *Collection of Materials of the Extraordinary State Commission for Ascertaining and Investigating Crimes Perpetrated by the German-Fascist Invaders and their Accomplices* [in Russian], accessed January 8, 2020, <http://indbooks.in/mirror5.ru/?p=114049>.

¹⁴ Let us clarify that in the indictment of all trials of 1943–47 there was a general part (about crimes of anonymous invaders in this region, according to the Extraordinary State Commission for Ascertaining and Investigating Crimes Perpetrated by the German-Fascist Invaders and their Ac-

Interrogation of the defendant. Photo by D.M. Trakhtenberg.
Source: from the personal archive of D. Astashkin.

We cannot distinguish unique features in the indictment of the Leningrad process. The list of crimes in it reflected the typical policy of the Nazis in the RSFSR: punitive actions against civilians, plunder and destruction of settlements. Thus, it was consistent with the indictments of other trials held in the RSFSR (for example, in Bryansk and Novgorod). Why did the question of the Siege of Leningrad not get in the spotlight during the Leningrad process? After all, this question was presented by the Soviet side at the Nuremberg Tribunal in February 1946. Let us suppose that no defendants to be accused of the Siege of Leningrad were found for the trials.¹⁵ Only later, during the Novgorod process (December 1947), Kurt Herzog, an artillery general, was convicted of participating in the Siege of Leningrad (among other charges against him).

Apparently, Leningrad was chosen as a place for trials considering its pre-war administrative borders which included Pskov and Novgorod. Moreover, the symbolic significance of Leningrad was also very important for the political functions of the trial. Thus, Leningrad became a unifying place for trials of crimes committed in three regions (within the borders of 1947): in Leningrad Oblast, Pskov Oblast, and Nov-

complices (ChGK)) and individual part (about specific crimes of specific defendants, according to the materials of investigation).

¹⁵ For more about attempts to bring those responsible for the Siege to trial, see Daudov, Kuntsevich, and Khodyakov, *Military Tribunal of the Leningrad Front*, 165–67.

gorod Oblast.¹⁶ Separate Novgorod trial proceedings were not planned until May of 1947.

Cinematographic evidence. During the Leningrad trials (as well as during the Minsk trials), upon a motion of the public prosecutor, a documentary about the crimes of the Nazis in the territory of the Leningrad Region was shown. I have not been able to find this documentary and information about its production yet. The documentary is known only by the rendering in newspapers and diary entries:

Beginning from 1941, the shots taken by the cameraman of the Leningrad Front documented the atrocious crimes of Nazi villains in the lands of Leningrad. The ruins of Pskov, Novgorod, Luga, Gatchina, Gdov, dozens of other cities and thousands of villages, swept away by the Germans from the face of the earth appear on the screen. . . . Cameramen penetrated into the rear of the enemy and photographed the burning villages set on fire by the Germans. Their inhabitants, women, children, and old people, deprived of shelter, go into the woods and settle in dugouts. The film reproduces dozens of the orders of the German commanders, issued in the occupied areas. Each of the orders invariably ends with the words “subject to execution”. Under one of these orders, there is a sweeping signature of Remlinger. This is one more undisputable piece of evidence against this fascist punitive expeditioner in the dock. The film ends with short figures: in the territory of Leningrad, Novgorod and Pskov oblasts, the Germans shot, burned, tortured, and hanged more than 67 thousand civilians.¹⁷

Therefore, the documentary served as a cinematographic evidence of the crimes of the invaders, and specifically Remlinger. Most likely, fragments of this documentary were also shown in the cinemas of Novgorod before the start of the Novgorod trial proceedings.¹⁸

The Holocaust. The propaganda emphasized that the Leningrad trials not only concerned specific crimes of specific defendants in 1943–44, but also targeted the entire system of occupation of Leningrad Oblast in 1941–44. Nevertheless, the Leningrad trials (as well as the Velikiye Luki and Novgorod trials) only briefly touched on

¹⁶ The practice of uniting several regions was in line with the practice of other trials of the winter of 1945–46. For example, during the Bryansk process the trials were held for crimes committed in Bryansk Oblast, Oryol Oblast and Bobruisk Oblast.

¹⁷ TASS report on the morning court session on January, 2. Cited in Borisov, *Collection of Materials of the Extraordinary State Commission for Ascertaining and Investigating Crimes Perpetrated by the German-Fascist Invaders and their Accomplices*.

¹⁸ By the time of the Novgorod trials of 1947, a documentary “Atrocities and destructions by the Nazi invaders in the territory of Novgorod Oblast and Pskov Oblast temporarily occupied by them” was cut together at the Kinokhronika cinema factory in Leningrad. For the delegates and witnesses of the Novgorod trials, a special viewing of this film was organized, as well as a viewing of the documentary “Destruction of the towns of Petrodvorets (Peterhof), Pavlovsk and Gatchina” and the film “Leningrad under the Siege.” These documentaries were also shown in city cinemas.

the large-scale Nazi crimes of 1941–42 against Jews, Gypsies, mentally ill, and Soviet prisoners of war in separate witness testimonies.

In 1941–42 ghettos were created and destroyed in Pskov, Opochka, Nevel, Velikiye Luki, Porkhov, Pustoshka, and Sebezh. In the fall of 1943, the corpses of Jews were removed from the pits and burned. No one was held publicly responsible for these Holocaust crimes. Also, no one interrogated Remlinger (commandant of Opochka in July–September 1943) in court about burning the bodies of Jewish people (judging by the materials available to us). In contrast to this omission, the prosecutor asked Remlinger about his position as military commander of Budapest (from April 1944 until he was taken prisoner in February 1945) and the executions of Hungarian Jews:

“Who did you shoot there?”

“I shot no one.”

“Jews, probably?”

“Not a single Jew. On the contrary, I saved lives of lots of Jews, you will not believe it.”

“Who shot them?”

“Those who always dealt with that, the SS men, the Gestapo, and others. I had nothing to do with them and when I had a chance, I saved Jews.”¹⁹

As far as we know, the investigation did not contact Hungary about Remlinger’s participation in the executions, so the dialogue about Budapest was accessory, and the execution of Hungarian Jews was not included into the indictment. Remlinger’s role in the Holocaust in Budapest remains to be investigated.

Professor A. Vladimírsky, a forensic expert, provided detailed testimony on the mass executions (he also testified in the Novgorod trials of 1947). He described many of the burial sites, including those of the Holocaust victims:

According to the eyewitness evidence collected in the area of Moglino-Pervoe near Pskov, somewhere in that area, near Pskov, everyone in the camp was destroyed in nineteen forty-one, and the Jews who were taken from Pskov were brought there. We started checking the testimonies; we were looking for material evidence for a long time. Near Moglino-Pervoe, in an area sown with rye, we found ten pit graves filled with corpses: children, women, men. Since they were killed at the beginning of the war, the Germans still did not undress people before extermination. They did not hide any traces of their crimes back then. We managed to find out a lot of information based on beads, amulets and other objects that determined the nationality of the people who were killed. Then the Germans ploughed the land, turned it into a field and sowed it...²⁰

¹⁹ Luknitskii, *Leningrad Is Acting. Book Three*, chap. 26.

²⁰ Luknitskii, *Leningrad Is Acting. Book Three*, chap. 26.

We still do not know if any of the German prisoners of war bore any criminal liability for the executions near Moglino. Later on, in the Pskov trials of 1967, guards of the Estonian origin who served at the Moglino camp and shot Jews and Gypsies were convicted.²¹

The Katyn massacre. The Soviet side was preparing two German witnesses who were to testify on the subject of the Katyn massacre at the Nuremberg Tribunal: Ludwig Schneider (an assistant to Professor Buhtz) and Arno Düre (a soldier, he was also among the defendants in the Leningrad trials).²² They were supposed to support the Soviet version of the Katyn massacre. We may suppose that Düre's testimony in Leningrad was planned to be a rehearsal of his later speech in Nuremberg. At the same time, the issue of the Katyn tragedy was not included in the indictment of the Leningrad trials.

According to Düre's testimony in the trials, the German command sent him from the Torgau military prison to the Katyn Forest for correctional labour. P. Luknitskii described this episode as follows:

In the military prison in Torgau, Düre remained under arrest until November, 1941, when Remlinger was still the commandant of the prison. There, Düre was educated that way and taught to be ruthless. During this training, "practical exercises" took place in the Katyn Forest in September 1941. Together with the others, who were also brought to this forest, Düre dug huge grave ditches at night. The SS men dumped corpses of people brought by cars into these ditches, tens of thousands of corpses of Polish officers, Russian people, and Jews; and Düre took part in their burial.

"Can you determine approximately how many shot people were thrown into these graves?" "From fifteen to twenty thousand people!" Düre replies calmly and adds that he saw a picture of one of these graves in German newspapers, and the caption under the picture said, "It was done by the Russians" . . .²³

It is notable that the prosecutor did not ask Remlinger about these "practical exercises" in the Katyn Forest. Apparently, Remlinger did not want to cooperate.

Soviet propaganda delivered the main message of Düre's answers, but did not publish their absurd details such as Düre's explanation to the prosecutor that the Ka-

²¹ For more details, see Yu.V. Alekseev, *The Concentration Camp in Moglino: The Story of One "Little Death Factory" (1941–1944)* [in Russian] (Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat", 2011).

²² I.S. Yazhborovskaya, A.Yu. Yablokov, and V.S. Parsadanova, *The Katyn Syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish Relations* [in Russian] (Moscow: ROSSPEN, 2009), accessed January 1, 2020, <http://www.katyn-books.ru/library/katinskiy-sindrom12.html#bookmark40>.

²³ Luknitskii, *Leningrad Is Acting. Book Three*, chap. 26.

tyn Forest was in Poland, that the depth of the ditch was 15–20 meters, that he strengthened the walls of the ditch with tree branches, etc.²⁴

Soviet propaganda reported to foreign journalists about all the trials of 1945–46, including the Leningrad process. A brief translation of Düre's testimony appeared on January 3 in the newspaper *Die Tägliche Rundschau*, published by the Red Army for the German population in the Soviet Occupation Zone.²⁵ The theme of Katyn was important for the foreign press, but the testimony of Düre did not seem convincing. As a result, the *New York Times* combined two versions of the Katyn tragedy in one item: the version of Düre reported by TASS and the 1943 version from the Nazi *Deutsches Nachrichtenbüro*:

A German officer in a group facing trial in Leningrad for “nightmare deeds” during the war has admitted Nazi guilt for the massacre of Katyn, in the Smolensk region, where mass graves of about 10,000 persons were found, a TASS dispatch said tonight. The Germans had alleged that Poles had been murdered by Soviet political police and buried in Katyn in 1939. The officer, Duere (*The New York Times* made a mistake. In fact, Düre was not an officer – *Author*), describing in detail how Russian women, children and old men were murdered by retreating German troops, said that in the Katyn forest 15,000 to 20,000 persons, including Polish officers and Jews, were shot and buried.

A German news agency in April, 1943, asserted German troops had discovered the Katyn graves and blamed the Russians for the atrocity. The Polish Cabinet in London announced four days later that the International Red Cross had been asked to send a delegation to investigate on the spot. On April 25, 1943, Moscow officially severed relations with the Polish exile Government.²⁶

According to I. Yazhborovskaya, for these testimonies, Düre was only sentenced to penal servitude instead of death penalty. However, the Soviet authorities did not dare to take him to Nuremberg. This is not surprising, for Düre mocked the Leningrad process and could cause a scandal in Nuremberg. According to the diary of P. Luknitskii Düre laughed during his interrogation (“when it comes to how he shot women, he nods affirmatively and. . . smiles, laughs!”), during the sentence (“Düre only grins wryly. . .”), during his last words (“Düre stands up with his arms behind his back. He laughs! The room waits. Düre continues laughing and says through laughter: “I do not want to say anything!”).²⁷ Düre's grin is captured in the documentary *The Verdict of the People*, but the theme of Katyn was not presented in the film. As a result, the subject of Düre's testimony was not developed either in Soviet or in foreign media materials.

²⁴ Yazhborovskaya, Yablokov, and Parsadanova, *The Katyn Syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish relations*.

²⁵ *Die Tägliche Rundschau*, January 3, 1946.

²⁶ Two Nazi Generals Hanged by Russians, *New York Times*, December 31, 1945, 4.

²⁷ Luknitskii, *Leningrad Is Acting. Book Three*, chap. 26.

Defendant Arno Düre
A shot from the documentary *The Verdict of the People*
(directed by L. Kikaz, 1946).

In 1954, Düre returned to Germany, where he recanted his testimony about the Katyn events and stated that he had been forced to testify like that during the investigation.²⁸ Thus, the question of the Katyn massacre is the only fact of false evidence in the Leningrad trials known to us. Other testimonies of the defendants have not been disputed by the researchers.

Mediatization. The decree on the organization of the trials required mediatisation: “The progress of the trial proceedings is to be systematically covered in the local press and briefly covered in the central press.”²⁹ In a letter to the Leningrad chiefs of the UNKVD, UNKGB, and the SMERSH Directorate, their Moscow leaders (Kruglov, Rychkov, and Abakumov) gave brief instructions: “we propose. . . to take measures to ensure proper coverage of the process in the local press.” What did those measures imply? From the diary of P. Luknitskii, we know that journalists had access to the materials of the preliminary investigation and could also talk to the members of the tribunal. Due to the lack of sources, the exact extent of influence of the authorities and editors on the content of the materials about the process is unclear. Therefore, we

²⁸ M. Schmeitzner, “Unter Ausschluss der Öffentlichkeit? Zur Verfolgung der NS-Verbrechen durch die sowjetische Sonderjustiz,” in *NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR*, ed. J. Osterloh and C. Vollnhals (Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011), 159–61.

²⁹ “Postanovlenie Politbyuro TsK VKP(b) ‘O provedenii sudebnykh protsessov nad byvshimi voennosluzhashchimi germanskoi armii i nemetskikh karatel'nykh organov’” [Decree of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks ‘On conducting trials of the former military personnel of the German army and German punitive bodies’]. F. 17, op. 166, d. 756, l. 146. RGASPI.

suppose that journalists (albeit under the control of the authorities) prepared publications more or less independently, guided by their patriotic feelings and ideological principles. In addition, the authors could be inspired by newspaper materials about similar trials (in Bryansk, Smolensk, etc.) and, in particular, by materials from the Nuremberg trials (the best journalists of the country wrote about them). It is also worth reminding that all Soviet media were censored.

Newspapers were the most popular mass media in the USSR of that period. They were used by agitators for “readings” (were read aloud and discussed) at factories and collective farms. The materials about the Leningrad trials were distributed in the all-Union media (TASS, *Izvestiya*, Moscow Radio) and in local newspapers (*Leningradskaya pravda*, *Novgorodskaya pravda*, *Pskovskaya pravda*, *Smena*, *Vechernii Leningrad*, etc.). On the pages of printed media, the materials about the Leningrad process were placed under the items about Nuremberg, next to the materials about other trials of war criminals in the USSR (Bryansk) and in the world (Manila, Philippines). In such a way, the general context of world justice was created.

Moreover, with the help of Moscow Radio and TASS, information was also sent to Reuters and Associated Press, London Radio, the newspaper of the Soviet Occupation Zone *Die Tägliche Rundschau*, the newspaper *New York Times*, et al. For instance, the *New York Times* published three items about the Leningrad trials: about the beginning of the trial (December 30, 1945), about the issue of Katyn tragedy in the trials (December 31, 1945), and about the final sentence of the process (January 6, 1946).

As illustrations, Soviet newspapers published four photographs from the courtroom (the court, the defendants and spectators) and caricature portraits of each defendant.

Caricature portraits of the defendants in the newspaper
Leningradskaya Pravda, December 30, 1945

Since the wave of Soviet trials began simultaneously with the Nuremberg Tribunal, propaganda constantly noted their connection:

In Nuremberg, where the fascist plague first appeared, the International Tribunal is now hearing the case of the principal war criminals. And in the regional centres of our country, military tribunals judge those who established Hitler's "new order" on Soviet soil, killed women, old people and children, and destroyed what had been created by the work of the people over many centuries.³⁰

Soviet propaganda also emphasized that the conduct of Soviet trials was a joint decision of the allies in the anti-Hitler coalition, the Soviet Union, the United States and Great Britain:

Criminals are held responsible according to the Declaration, signed at the time by Roosevelt, Stalin, and Churchill. According to this Declaration, German officers, soldiers and members of the Nazi party who are accountable for atrocities, killings and executions, or voluntarily participated in them are subject to trial in countries in which their hideous acts were committed.³¹

The post-war cult of personality has not yet reached its zenith. Therefore, Stalin was only briefly mentioned in the items about the trials. But the Red Army and the Soviet people were mentioned on a regular basis:

Only the valiant and determined struggle of our Red Army could rid the world of such a plague. Only the great victory of our people in the Second World War led to the fact that Göring is sitting in the dock in Nuremberg, while Remlinger, Vogel, Janicke, Strüffling, and others are sitting in the dock in Leningrad.³²

Propaganda drew a parallel between Hermann Göring (as the main defendant in Nuremberg) and Heinrich Remlinger (as the main defendant in Leningrad):

The world is not interested at all whether Göring pleads or does not plead guilty. Similarly, the working people of Leningrad Oblast are very little worried whether Remlinger pleads or does not plead guilty. In both cases, everyone is interested in something else, namely, when their well-deserved punishment will take place.³³

³⁰ "The Hour of Reckoning" [in Russian], *Leningradskaya Pravda*, December 28, 1945. Cited in S.V. Kulik, "The 1945–1946 Trial of Nazi War Criminals in Leningrad: The Coverage of the Leningrad Region Press."

³¹ Ibid.

³² V. Karp, A. Riskin, "The Retribution Is Coming" [in Russian], *Leningradskaya Pravda*, December 28, 1945, 3.

³³ M. Lanskoï, "Ober-Executioner" [in Russian], *Leningradskaya Pravda*, December 28, 1945, 3.

Similar comparison schemes were used by propaganda in materials about other trials.

In his speech, public prosecutor F. Petrovskii drew a direct parallel between Nuremberg and Leningrad:

The trial of the main war criminals taking place in Nuremberg revealed to the whole world that evil plans of this treacherous and sudden attack on our Motherland, the plunder of its wealth, the extermination and enslavement of Soviet people, had been long and carefully developed by the Hitler cannibals. The authors of these plans, the leaders of the fascist gang, are brought before the International Military Tribunal for their crimes. Here, in Leningrad, in the dock there are the executors of their barbarian plans, those who directly executed them.³⁴

A similar scheme was used by prosecutor L. Smirnov in the Smolensk trials.

Since the journalists were sure of the conviction before the trial ended, they angrily or ironically reacted to the defendants' attempts to defend themselves explaining that they were following orders:

Only these bloody smart beast Franz Wiese and the leader of the gang Remlinger, the most bloodthirsty and despicable of all eleven bloodthirsty and meanest defendants, said that they would not plead guilty. Remlinger, this executioner in white gloves, continues the game already familiar to the Soviet investigation. He only received orders from above and sent them down without even recording outgoing messages. At the top there were Hitler and Sauckel.³⁵

On order to dehumanize the defendants, Propaganda exploited their appearance and the facts of their personal background as well. Special emphasis was placed on their criminal:

Who are they, these representatives of the "higher race"? Karl Strüffling and Fritz Enkel are volunteers of the German army, who went to war for the sake of plunder and easy money. Gerhard Janicke is a thief who was serving penal labour. Arno Düre is worth being the top representative of this gang, for he is a pimp who was supported by prostitutes and robbed their clients.³⁶

According to the instructions received from Moscow, all defense lawyers went through a special selection: "We suggest. . . that a thorough background check should be run for all defense lawyers who will be assigned to the defendants by the repre-

³⁴ "The Trial of the Case of Nazi Atrocities in Leningrad Oblast. Court Session on January 2," *Smena*, January 3, 1946. Cited in S.V. Kulik, "The 1945–1946 Trial of Nazi War Criminals in Leningrad: The Coverage of the Leningrad Region Press.

³⁵ Karp, Riskin, "The Retribution Is Coming," 3.

³⁶ *Ibid.*

sentative of the USSR People's Commissariat of Justice on the spot. Undesirable candidates should be withdrawn and replaced by trusted lawyers."³⁷ Thus, all defense lawyers worked only formally, no one really expected bright speeches and surprises from them. They built the defense on blurring the borders between personal and collective guilt. Thus, defense lawyer Zimin, who defended Remlinger, noted that "his defendant is not the only one to bear responsibility for the horrifying crimes committed by the Germans in the territory that was under the authority of the commandant of Pskov. Some units that operated there were not under his command."³⁸ All other defense lawyers tried to present their defendants as simple executors of criminal orders. The remarks of lawyers in all trials between 1945 and 1947 were hardly ever cited in propaganda, and the defense closing arguments were given as brief summaries (in the same way as the last pleas of defendants). Therefore, all newspaper readers and the audience of the documentary *The Verdict of the People* were familiar only with the prosecution.

Sentence and execution. The verdict was approved not in Leningrad, but in Moscow. On January 3, 1946, in a letter to Molotov, the heads of the intelligence services S. Kruglov, N. Rychkov, and V. Abakumov, retold the indictment in two pages and offered the final verdict:

Bearing in mind the extent of guilt of each of the defendants, we consider it necessary to sentence the defendants Remlinger, Strüffling, Sonnenfeld, Böhm, Engel, Janicke, Skotki, and Gehrler, to death by hanging; defendants Vogel, Düre, and Wiese, to penal servitude. We ask for your instructions.³⁹

Molotov approved everything that was proposed. It is worth noting that even in the letter to Molotov, the differentiation of the sentence (execution, 20 years and 15

³⁷ Daudov, Kuntsevich, and Khodyakov, *Military Tribunal of the Leningrad Front*, 157.

³⁸ "The Trial of the Case of Nazi Atrocities in Leningrad Oblast. Court Session on January 2," *Smena*, January 3, 1946. Cited in S.V. Kulik, "The 1945–1946 Trial of Nazi War Criminals in Leningrad: The Coverage of the Leningrad Region Press".

³⁹ "Dokladnaya zapiska ministra yustitsii SSSR N.M. Rychkova, ministra vnutrennikh del SSSR S.N. Kruglova i ministra gosbezopasnosti SSSR V.S. Abakumova na imya V.M. Molotova ob okonchani Voennym tribunalom Leningradskogo voennogo okruga sudebnogo sledstviya po delu byvshikh voennosluzhashchikh germanskoi armii, obvinyaemykh v massovom istreblenii mirnogo naseleniya, ugone sovetskikh grazhdan v nemetskoe rabstvo, razrushenii gorodov i sel na territorii Leningradskoi oblasti, s pros'boi dat' dal'neishie ukazaniya" [Memorandum of the Minister of Justice of the USSR N.M. Rychkov, Minister of the Interior of the USSR S.N. Kruglov and Minister of State Security of the USSR V.S. Abakumov addressed to V.M. Molotov about the completion by the military tribunal of the Leningrad Military District of the judicial investigation of the case of former military personnel of the German army accused of mass extermination of civilians, capture of Soviet citizens into German slavery, destruction of cities and villages in the territory of Leningrad Oblast, with a request to give further instructions]. F. 82, op. 2, d. 894, ll. 5–6. RGASPI.

years of penal servitude) is not explained. Propaganda focused on the death penalty, with almost no mention of other sentences. The difference in terms of penal servitude (20 years and 15 years) was not explained to the audience and readers.

M. Lanskoï, a journalist, artistically conveyed the feelings of the people in the courtroom during the delivery of the final sentences (death penalty for eight defendants, and penal servitude for three of them):

Then the court entered. Everyone stood up. It was extraordinarily quiet when the chairman was quoting the atrocities committed by each defendant for the last time. The shadows of the dead rose from the mass graves again. There came a puff of smoke from the fires. The groans of those tortured could be heard. A Russian mother covered in blood stood up, holding a shot child. Our hearts got clogged with the ashes of the people burned alive. . . . Therefore, the words “to the death by hanging” were met with applause of solidarity and satisfaction. The whole nation was signing the sentence, which was final and not subject to appeal.⁴⁰

Some newspapers confined themselves to a dry statement of the sentence with a cliché about the “applause of satisfaction.” The huge Kalinin Square right in front of the Gigant Cinema was chosen as a place of execution in Leningrad. The execution itself was emotionally described by the Leningrad newspapers in detail:

At the front they had escaped a well-deserved bullet of a Soviet soldier. But now they are to test the strength of the Russian rope. Eight war criminals hung on a stiff bar yesterday in Leningrad. In their last minutes, once again they met the eyes of the people who hate them. Once again they heard whistles and curses that accompanied them to a shameful death. The cars set off. The support was moved away from under the feet of the convicts.⁴¹

Tens of thousands of Leningrad citizens came to watch the execution; even more people saw it in the documentary *The Verdict of the People*.

Conclusion

In the same way as other regional trials, the Leningrad was intended to become not only a trial of specific 11 defendants but also a trial of the occupation system in the North-West of the RSFSR as a whole. This was only partially possible, as only the punitive actions of 1943–44 were most thoroughly investigated. At the same time, the investigation could not or did not have enough time to identify those guilty of the Siege of Leningrad and of the war crimes of 1941–42 (including the Holocaust). The war crimes of Finnish and Spanish units in the territory of Leningrad Oblast and the participation of collaborators in those crimes were not investigated either. Instead of

⁴⁰ M. Lanskoï, “The Verdict of the People” [in Russian], *Leningradskaya Pravda*, January 4, 1946.

⁴¹ Ibid.

these important issues, during the Leningrad trials, the authorities chose to present the false testimony of Private Arno Düre about the Nazis' guilt of the Katyn massacre. However, these false testimonies had neither political nor juridical effect.

The ambitious large-scale trials in Leningrad had a huge political potential, but this potential was not fulfilled. Providing the investigation with extremely tight deadlines and the instructions of the same type, the authorities decided not to single out the Leningrad process from the general series of such trials, Mediatization was selective. As a result, just like other similar Soviet trials, the Leningrad process is hardly represented in the culture of memory (even at the local level), and therefore needs further study.

Список литературы

Алексеев Ю.В. Моглинский лагерь: история одной «маленькой фабрики смерти» (1941–1944). – Москва: Фонд «Историческая память», 2011. – 208 с.

Асташкин Д.Ю., Ковалев Б.Н., Кулик С.В. Нацистский режим на Северо-Западе России: Оккупация. Соппротивление. Возмездие. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2018. – 420 с.

Даудов А.Х., Кунцевич Ю.М., Ходяков М.В. Военный трибунал Ленинградского фронта в годы Великой Отечественной войны / под общей редакцией Н.М. Кропачева. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет, 2018. – 339 с.

Епифанов А.Е. Организационные и правовые основы наказания гитлеровских военных преступников и их пособников в СССР. 1941–1956 гг. – Москва: Закон и право, 2017. – 702 с.

Колошинская Н.В. Дело Г. Ремлингера и других в контексте послевоенных судебных преследований немецких военнопленных // История государства и права. – 2002. – № 1. – С. 28–33.

Кузьминых А.Л. Выявление нацистских военных преступников в советских лагерях для военнопленных (1944–1949 гг.) // Военно-исторический журнал. – 2018. – № 9. – С. 44–48.

Кулик С.В. Уголовный процесс 1945–1946 года над гитлеровскими военными преступниками в Ленинграде в освещении региональной прессы // Ученые записки Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого. – 2018. – № 1 (13). – С. 1–4. – URL: <http://www.novsu.ru/file/1439044>

Яжборовская И.С., Яблоков А.Ю., Парсаданова В.С. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. – Москва: РОССПЭН, 2009. – 519 с.

Schmeitzner M. Unter Ausschluss der Öffentlichkeit? Zur Verfolgung der NS-Verbrechen durch die sowjetische Sonderjustiz // NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR / ed. by Clemens Vollnhals, Jörg Osterloh. – Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. – P. 159–161. DOI: 10.13109/9783666369216.149

Voisin V. Du «procès spectacle» au fait social. Historiographie de la médiatisation des procès en Union soviétique // Critique internationale. – 2017/2. – No. 75. – P. 159–173. DOI: 10.3917/criti.075.0159

References

- Alekseev, Yu.V. *Moglinskii lager': istoriya odnoi "malen'koi fabriki smerti" (1941–1944)* [The concentration camp in Moglino: The story of one "little death factory" (1941–1944)]. Moscow: Fond "Istoricheskaya pamyat", 2011. (In Russian)
- Astashkin, D.Yu., B.N.Kovalev, and S.V. Kulik, *Natsistskii rezhim na Severo-Zapade Rossii: Okkupatsiya. Soprotivlenie. Vozmezdnie* [The Nazi regime in the North-West of Russia: Occupation. Resistance. Retribution]. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii politekhnicheskii universitet Petra Velikogo, 2018. (In Russian)
- Daudov, A.Kh., Yu.M. Kuntsevich, and M.V. Khodyakov. *Voennyi tribunal Leningradskogo fronta v gody Velikoi Otechestvennoi voiny* [Military Tribunal of the Leningrad Front during the Great Patriotic War], edited by N.M. Kropachev. St Petersburg: Sankt-Peterburgskii gosudarstvennyi universitet, 2018. (In Russian)
- Epifanov, A.E. *Organizatsionnye i pravovye osnovy nakazaniya gitlerovskikh voennykh prestupnikov i ikh posobnikov v SSSR. 1941–1956 gg.* [Organizational and legal bases for the punishment of Nazi war criminals and their accomplices in the USSR. 1941–1956]. Moscow: Zakon i pravo, 2017. (In Russian)
- Koloshinskaya, N.V. "Delo G. Remlingera i drugikh v kontekste poslevoennykh sudebnykh presledovaniy nemetskiikh voennoplennykh" [The case of H. Remlinger and others in the context of post-war prosecutions of German prisoners of war]. *Istoriya gosudarstva i prava*, no. 1 (2002): 28–33. (In Russian)
- Kuz'minykh A.L. "Vyyavlenie natsistskikh voennykh prestupnikov v sovetskikh lageryakh dlya voennoplennykh (1944–1949 gg.)" [Identification of Nazi war criminals in Soviet prison camps (1944–1949)]. *Voенно-istoricheskii zhurnal*, no. 9 (2018): 44–48. (In Russian)
- Kulik, S.V. "Ugolovnyi protsess 1945–1946 goda nad gitlerovskimi voennymi prestupnikami v Leningrade v osveshchenii regional'noi pressy" [The 1945–1946 trial of Nazi war criminals in Leningrad: The coverage of the Leningrad region press]. *Uchenye zapiski Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta im. Yaroslava Mudrogo*, no. 1(13) (2018): 1–4. <http://www.novsu.ru/file/1439044>. (In Russian)
- Yazhborovskaya, I.S., A.Yu. Yablokov, and V.S. Parsadanova. *Katynskii sindrom v sovetsko-pol'skikh i rossiisko-pol'skikh otnosheniyakh* [The Katyn syndrome in Soviet-Polish and Russian-Polish relations]. Moscow: ROSSPEN, 2009. (In Russian)
- Schmeitzner M. "Unter Ausschluss der Öffentlichkeit? Zur Verfolgung der NS-Verbrechen durch die sowjetische Sonderjustiz." In *NS-Prozesse und deutsche Öffentlichkeit: Besatzungszeit, frühe Bundesrepublik und DDR*, edited by J. Osterloh and C. Vollnhals, 159–61. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. <https://doi.org/10.13109/9783666369216.149>
- Voisin, V. "Du "procès spectacle" au fait social. Historiographie de la médiatisation des procès en Union soviétique". *Critique internationale*, vol. 75, no. 2 (2017): 159–73. <https://doi.org/10.3917/crii.075.0159>.